

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ

Исмаил Туркманович БАБАКУЛОВ

Самаркандский государственный университет

Самарканд, Узбекистан

Аннотация

В статье рассматриваются основные черты контраста морфемных и словообразовательных систем русского и узбекского языков в аспекте языковой детерминанты, большое внимание уделяется асимметрии формы и содержания в выражении словообразовательных значений, в том числе через систему словообразовательных категорий.

Ключевые слова: словообразование; компаративистика; психолингвистика; социолингвистика; морфемика; сравнительно-типологическое языкознание; разносистемные языки; детерминанты.

ГЕНДЕР АСИММЕТРИЯСИ НУҚТАИ НАЗАРИДАН ЎЗБЕК ВА РУС ТИЛЛАРИДА СЎЗ ЯСАШ ХУСУСИЯТЛАРИ

Исмоил Туркманович БОБОҚУЛОВ

Самарканд давлат университети

Самарканд, Ўзбекистон

Аннотация

Ушбу мақолада рус ва ўзбек тилларининг морфемик ҳамда деривацион тизимлари контрастининг асосий қирралари тил детерминанти аспектида кўриб чиқилган, сўз яшаш маъноларини, шу жумладан, сўз яшовчи категориялар системаси орқали ифодалашда шакл ва мазмун асимметриясига катта аҳамият берилган.

Калит сўзлар: сўз яшалиши; компаративистика; психолингвистика; социолингвистика; морфемика; қиёсий-типологик тилшунослик; турли системадаги тиллар; детерминантлар.

WORD-FORMATIVE FEATURES OF RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES IN THE ASPECT OF GENDER ASYMMETRY

Ismail Turkmanovich BABAKULOV

Samarkand State University

Samarkand, Uzbekistan

Abstract

This article examines the main features of the contrast of morphemic and derivational systems of Russian and Uzbek languages in the aspect of the language determinant, much attention is paid to the asymmetry of form and content in the expression of word-formation values, including through the system of word-formation categories

Keywords: word formation; comparative studies; psycholinguistics; sociolinguistics; morphemic; comparative-typological linguistics; heterosystemic languages; determinants.

Типология в настоящее время является бурно развивающейся отраслью языкознания, она тесно взаимодействует с современной компаративистикой, психолингвистикой и социолингвистикой. Чрезвычайно велика роль типологических исследований в методике преподавания языков. Как отмечает У. К. Юсупов, «сопоставительное изучение языков в теоретических целях даёт возможность глубже проникнуть в системы сопоставляемых языков, расширяет наше знание о системе каждого из сопоставляемых языков в отдельности...» (3, 27).

Сравнительно-типологические исследования дают принципиально новый уровень знаний о структуре описываемых языков, открывают принципиально новые возможности в обучении языкам. Такие исследования всегда были актуальны в Узбекистане, однако наиболее разработанной является тематика фонологических, фонетико-стилистических и морфологических исследований, тогда как в области лексики и в особенности словообразования остались неразработанными существенные проблемы. Следует подчеркнуть, что русский и узбекский языки как языки неродственные и разносистемные характеризуются обилием контрастов не только на морфологическом, но и на словообразовательном уровне (включая морфемику), при этом тип словообразования каждого языка в основных чертах обусловлен его детерминантой. Особенно актуально контрастивно-сопоставительное изучение словообразовательных ярусов тюркских и славянских языков как типичных воплощений агглютинативного и флективного строя, имеющих принципиальные отличия по линии языковой детерминанты. С воплощением языковой детерминанты тесно связана асимметричность формы и содержания, в разной степени присущая выражению словообразовательных значений русского и узбекского языков.

Одним из направлений социолингвистики, выделившейся в последние десятилетия в отдельное, активно развивающееся направление, является гендерная лингвистика, являющаяся, по нашему мнению, составной частью широкого направления по исследованию языковых картин мира. Гендерная лингвистика в качестве истоков имеет экстралингвистические и собственно

лингвистические факторы, начиная от распределения социальных ролей, специфики социального и речевого поведения мужчин и женщин до способов представления одного из базовых понятий семантики «пол живого существа» на грамматических, лексических и словообразовательных ярусах разносистемных языков. Следует подчеркнуть, что важными аспектами изучения гендерных отношений являются контрастивно-типологические исследования отражения понятийной категории «пол» на материале разносистемных языков.

Отмечая многоаспектность гендерных исследований, М. И. Расулова касается и эволюции социальных ролей мужчин и женщин в современном обществе. В статье «Проявление гендера на лексическом уровне» М. И. Расулова касается асимметричности гендерных отношений в английском языке: «...следует отметить, что большинство исследователей подчеркивают маскулинный характер английского языка ... многие лексические единицы, обозначающие женщин, имеют отрицательные коннотации, даже в случае существования параллельного слова, обозначающего мужчину» (1, 82).

М. И. Расулова подчеркивает, что «гендер не есть нечто зафиксированное раз и навсегда, он постоянное продуцируется и изменяется... гендер – конструируемая на протяжении всей жизни категория и его строительство не может не быть связано с множеством других категорий: статуса, семьи, расы, национальности, рода занятий и т.д.» (1, 81).

Следует отметить, что указанные выше параметры гендера в словаре находят свое воплощение в семантических разрядах личных существительных. Термины родства как таковые представляют собой строгую систему номинации, в которой перемена одного семантического признака влечет появление нового имени. Принципы номинации в области терминов родства во всех языках в определенной степени сближены вследствие необходимости обозначения пола, возраста, поколения, кровного – некровного, прямого – непрямого, восходящего – нисходящего родства (эти признаки являются основными при компонентном анализе терминов родства в разных языках). В отличие от других разрядов существительных семантика пола чаще всего эксплицитно обозначена в термине родства независимо от наличия или отсутствия категории рода. В то же время термины родства многих, а особенно разносистемных языков, проявляют в своей семантической организации существенные различия, отражающие фрагменты разных языковых картин мира. Таким образом, в области непроемных существительных со значением лица и для русского, и для узбекского языков реализуется ведущий семантический тип гендерной асимметрии – наименование ориентировано прежде всего на лицо мужского пола. В узбекском языке

специальное наименование женщины получают в основном в системе терминов родства.

В то же время в данной области организации лексических парадигм в каждом из сопоставляемых языков имеются частные случаи гендерной асимметрии и своеобразные способы ее компенсации.

Вследствие влияния экстралингвистических факторов данная подсистема наименований является максимально симметричной по отношению к обозначению лиц мужского и женского пола, однако и в этой области проявляются своеобразные для каждого языка черты гендерной асимметрии. Актуальной проблемой гендерной лингвистики является изучение наименований лиц женского и мужского пола, категории рода и связанных с ней проблем референции. Интерес к способам номинации лиц разного пола и к категории рода как таковой имеет глубокие корни: соотношение категории грамматического рода и понятийной категории «пол» рассматривалось в рамках морфологии, грамматики, лексикологии.

В ряде работ приводятся данные об именах существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола, рассматриваются их происхождение и время возникновения в системе языка в связи с явлениями синонимии и дублетности, процессы метафоризации во взаимосвязи с категорией рода, влияние экстралингвистических факторов на развитие системы наименований лиц женского пола, история развития таких наименований, функции категории рода. Рассмотрение названных проблем отличается от феминистской постановки вопроса большей политической нейтральностью, более существенным учетом интралингвистических процессов (аналогии, фонетических закономерностей и т. д.). Вместе с тем они не игнорируют и экстралингвистическую обусловленность возникновения ряда номинаций особенно для обозначения лиц женского пола.

Яркой отличительной чертой узбекского языка является наличие множества общих имен для обозначения мужчины, мужа, человека: *эр, эркак, киши, одам, инсон*. Эти имена различаются специфическим набором лексических значений, сочетаемостью, что проявляется в парных и составных номинациях, актуализирующих специфические семы данных имен, стилистической окраской (не всегда отраженной в словарях). Яркой чертой алломорфизма узбекского и русского языков является также обозначение пожилых людей разного пола разнокоренными словами: *чол* и *кампир* (ср. однокоренные русск. *старик* и *старуха*) – причем это подтверждается абстрактными производными: *чоллик*

«старость по отношению к мужчине» и *кампирилик* «старость по отношению к женщине».

Отличительной особенностью узбекского языка являются парные номинации *ота-боболар* «предки», *ота-она* «родители», *она-сингил* «сестры», *ака-ука* «братья», *она-ука* «брат и сестра».

Примечательной чертой организации терминов родства узбекского языка является нейтрализация семантического признака «пол» в ряде номинаций: *набира* «внук, внучка»; *абира, эвара* «правнук, правнучка» и др. Это явление не носит всеобщего характера, а охватывает три позиции обозначения родства; 1) обозначение нисходящего родства второго и третьего поколений; 2) обозначение непрямого родства; 3) обозначение некровного родства (в некоторых случаях). С нашей точки зрения, асимметрия гендерных отношений непроизводных личных существительных в узбекском языке представляет собой вид семиотической асимметрии, поскольку ни в форме существительного, ни в его функционировании в тексте обозначение лица мужского пола не отражается.

В количественном отношении непроизводные личные существительные русского языка по сравнению с производными менее многочисленны и сосредоточены главным образом в разряде «лицо по родственной принадлежности» (термины родства).

В русском языке, в отличие от узбекского языка, непроизводное общее имя, недифференцированное обозначение мужчины и женщины фактически одно: это лексема *человек*, обладающая, помимо прямого номинативного значения «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда», имеет переносные значения «личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств», местоименные значения (он, кто-то, некто) и устаревшее значение «дворовый человек».

Непроизводное существительное *особа* («лицо, личность») в русском языке ограничено в употреблении в основном книжными контекстами; одно из его значений «важный, известный человек, персона» имеет пометы «устарелое» и «в ироническом смысле». Любопытно смещение общей семантики данной лексемы в определенных контекстах в сторону специализированного обозначения лица женского пола: «3. с определением. Лицо женского пола, когда не хотят назвать имени или выражают свое к ней отношение. *Вздорная особа*».

В последнем случае «уравновешивается» соотношение формы и семантики данной лексемы («род – пол»), асимметричное при обозначении лиц мужского

пола, причем такой вид асимметрии указанных сопряженных признаков является редким для русского языка.

Еще менее употребительным является в русском языке слово *персона* (кроме специального значения «человек, лицо при расчетах обслуживания»); значение, приводимое в словарях как первое номинативное для этой лексемы, «особа, личность», отмечается как устарелое. Актуализация этого слова в современном русском языке связана с фразеологическими единицами *персона грата, персона нон грата, собственной персоной*. Однако следует упомянуть достаточно частотное сочетание *важная персона*.

Таким образом, свободной сочетаемостью и широкой употребительностью из общих непроемных имен лиц русского языка обладает только лексема *человек*.

Несмотря на возможность обозначения человека (лица) как такового, независимо от пола, возраста, социального статуса, большая часть значений приведенных выше существительных ориентирована на обозначение лиц мужского пола, что отражает явно асимметричные отношения номинации лиц мужского и женского пола в русском языке.

Русский язык отличается от узбекского и многих других языков тем, что в нем четко противопоставлены наименования мужчины и женщины и мужа и жены как степени родства. Например, в узбекском языке *хотин* – это и женщина, и жена.

В русском языке к непроемным относятся такие имена родства, как *отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дед, бабушка, внук, дядя, тетя (тетя), племянник, тесть, теща, зять, сноха, деверь, шури, кузен (устар.), золовка, свекор*.

Остальные термины родства являются или производными словами (*прадед, прабабушка, правнук, внучка, племянница* и др.), или составными номинациями (*двоюродный брат, внучатый племянник, двоюродный дед* и др.).

В целом это замкнутая, относительно немногочисленная группа, причем некоторые лексемы становятся все менее употребительными (например, *деверь, шури*) и либо заменяются составными номинациями (*брат мужа, брат жены*), либо смешиваются в своем употреблении.

Вследствие разрушения института прежней семьи, объединяющей много членов нескольких поколений, многие термины родства становятся все менее употребительными: практически исчез из разговорной речи термин *свояченица*, редко употребляются слова *деверь, шури, золовка*, которые заменяются составными номинациями *сестра жены, брат мужа, брат жены, сестра мужа*.

Актуальными остаются термины родства в пределах трех поколений наиболее близкого родства, в том числе *тесть, теща, свекор, свекровь, зять, сноха (невестка)*.

Термины родства как таковые представляют собой строгую систему номинации, в которой перемена одного семантического признака влечет появление нового имени, например, по семантическому компоненту «пол»: *отец – мать, сын – дочь, дядя – тетя* и т.д.; по семантическому признаку «прямое – не прямое родство»: *сын – племянник, дочь – племянница*, по семантическому компоненту «кровное – не кровное родство»: *сын – пасынок, дочь – падчерица, мать – мачеха, отец – отчим*.

Однако в русском языке эта система размывается путем уравнивания разных степеней родства, например, дядей считают и брата матери или отца, и мужа тети, и часто более отдаленного родственника. Принято именовать приемных детей и родителей так же, как и родных, что в системах терминов родства некоторых других языков не допускается.

В функции обращения данный разряд личных существительных взаимодействует с обозначениями лица по возрасту: слова *отец, мать, дядя, тетя* употребляются для обращения к лицам предыдущего поколения, уменьшительные формы от *сын, дочь (сынок, дочка)* – к лицам восходящего поколения.

В других разрядах личных существительных непроизводные имена по количеству либо значительно уступают производным (например, *сосед, друг, враг; царь, барон, князь, врач*), либо вовсе отсутствуют. Так, в разряде «наименование лица по месту жительства» наличие непроизводных имен вовсе исключено.

В разряде «наименования лица по национальному признаку» наблюдается определенное соотношение между именем лица и названием страны (либо округа, республики и т.д.). Например, этнонимы *узбек, чуваш, румын, таджик, чукча, якут, черкес* являются непроизводными, а производным является название страны или местности: *Узбекистан, Таджикистан, Румыния, Чувашия, Чукотка* и т.д. в других случаях (англичанин, француз, молдаванин, украинец и т.д.) является производным от страны и в этом уравнивается с разрядом «наименование лица по месту жительства» (*ташкентец, киевлянин, орловец, туляк* и т.д.).

В наименованиях лиц по профессии, по политическим взглядам, пристрастиям, увлечениям, непроизводные имена встречаются спорадически, как результат опрощения либо заимствования: *врач, слесарь, доктор, фашист*,

так как для данной характеристики лица имя по профессии (или какой-то намек на неё) должны содержаться в производящей базе: *ткач, разлищик, водитель, дворник, банищик, разносчик, летчик, авиатор, компьютерщик* и т.д.

Номинация лиц женского пола через производное слово в русском языке осуществляется тремя способами: 1) через существительное муж. рода (*преподаватель, заслуженный учитель, инфекционист, политолог* и т.д.), 2) через СК женскости (*учительница, блокадница, гордячка, озорница, дворничиха* и т.д.), 3) через категорию общего рода (*грязнуля, жадина, хитрюга, бедняжка* и т.д.). Эти способы номинации воплощают разные типы гендерной асимметрии и ее компенсации.

Яркой отличительной чертой узбекского языка является наличие множества общих имен для обозначения мужчины, мужа, человека: *эр, эркак, киши, одам, инсон*. Эти имена различаются специфическим набором лексических значений, сочетаемостью, что проявляется в парных и составных номинациях, актуализирующих специфические семы данных имен стилистической окраской (не всегда отраженной в словарях).

Сема «мужчина» в лексеме *эр* реализуется, например, в составных номинациях *эр бола* (наряду с *ўғил бола* «мальчик», *эр йигит* «смелый, мужественный парень, молодец»). Семантика этого слова близка устаревшему русскому *муж* «мужчина».

В лексеме *эркак* значение, соответствующее термину родства, отсутствует, зато актуализируется «биологическое» значение «самец», вследствие чего в составных номинациях ономазиологическая категория «лицо» пересекается с зоонимами и фитонимами: *эркак гоз* «гусак», *эркак ўрдак* «селезень», *эркак гул* «пустоцвет».

Составная номинация *эркак-аёл* имеет собирательное значение «мужчины и женщины», способ представления которой специфичен по отношению к русскому языку.

Лексема *киши* имеет более общее значение, в ней нейтрализована идея пола, вследствие чего формируются составные номинации *эркак киши* «мужчина» и *хотин киши* «женщина», избыточные с точки зрения внешнего восприятия, но вполне соответствующие агглютинативному духу тюркских языков, стремлению к четкому и расчлененному выражению понятий. В этих номинациях «снимаются» все другие значения лексем *эркак* и *хотин*.

В системе значений этого слова выделяются абстрактные значения «лицо, личность, особа» и «человек, душа», однако в устаревшем значении «мужчина, посторонний мужчина» просматривается идея пола.

Лексема *одам* имеет наиболее абстрактный набор значений и отличается от лексемы *киши* более книжной стилистической окраской, это обозначение человека как вида (ср. *ибтидоий одам* «первобытный человек»); об абстрактном наборе значений свидетельствуют значения, связанные с идеей счета и местоименное значение лексемы. Идея пола в данной лексеме нейтрализована.

Лексемы *хотин* и *аёл* внешне имеют одинаковый набор значений, за исключением 3-го значения лексемы *хотин*, однако сочетаемость лексемы *хотин* гораздо шире: ср. *ёш хотин* «молодая женщина», *бева (тул) хотин* «вдова», *эрли хотин* «замужняя женщина», *хотин ахли* «женщины» (с оттенком собирательности), *хотинлар ҳаммоми* «женская баня», *хотин оши* «угощение для женщин» и т.д. **ХОТИН** 1 женщина; // женский; **ёш** ~ молодая женщина; **бева** (или **тул**) ~ вдова; **эрли** ~ замужняя женщина; **доктор** ~ женщина-врач... 2 жена; **бош** ~ первая жена ... 3 перен. пренебр. баба (о слабохарактерном мужчине).

В узбекском языке есть также лексема *аёл*, синонимичная лексеме *хотин*, но более общая по значению и книжная по стилистической окраске: **АЁЛ** 1 женщина, ~ **врач** женщина-врач; 2 жена.

Лексема *бола* (ср. русск. *ребенок, дитя*) обозначает потомка без указания на его пол; это более общая по значению лексема, чем слово *ўғил, қиз*, в компонентный состав которых входят семы «мужской пол» / «женский пол», к тому же сопряженные в системе значений с обозначением степеней родства. Составные номинации *ўғил бола* «мальчик», *қиз бола* «девочка», вводя сему «биологический пол», нейтрализуют сему родства.

Лексема *инсон* «человек» обладает книжной стилистической окраской, что подтверждается производными *инсоният* – человечество, род людской, *инсонлик* – человечность, *и*

соний – книжн. человеческий, людской; *инсонпарвар* – человеколюбивый, гуманный.

Лексема *фарзанд* (примерно соответствует русск. *потомок, наследник*) является стилистически окрашенным синонимом лексемы *бола*, отличается книжной окраской, менее широкой употребительностью. Хотя в ней как будто нейтрализована идея пола, тем не менее «потомок» ассоциируется, прежде всего с мальчиком, сыном, что подтверждается переносным «высоким» значением, что создает определенную степень функциональной асимметрии.

Лексемы *ўғил* и *қиз* не вполне симметричны по набору значений, так как взрослый мальчик обозначается лексемой *йигит*, а для номинации взрослой девочки (девушки) в узбекском языке отсутствует специальное обозначение.

Только в парной номинации *чол(у)-кампир* «старик и старуха» значение приближается к русскому *старики*. По отношению к мужчине в разговорной речи чаще употребляется составная номинация *кекса киши*, однако при наименовании пожилой женщины обычно используется непрямая лексема *кампир*. Это представляет собой частный случай проявления асимметрии гендерных отношений, которые в целом чрезвычайно характерны для номинации лиц в узбекском языке.

Яркой чертой алломорфизма узбекского и русского языков является совмещение в лексемах *эр, хотин, аёл, ўғил, қиз* значений половозрастной характеристики и степени родства: ср. русск. *муж – мужчина, жена – женщина, сын – мальчик, дочь – девочка*. В этих парах одно имя обозначает половозрастную характеристику лица, а другое – степень родства, причем сема «пол» входит в семантическую структуру лексемы.

Принципы номинации в области терминов родства во всех языках в определенной степени сближены вследствие необходимости обозначения пола, возраста, поколения, кровного–некровного, прямого – непрямого, восходящего – нисходящего родства (эти признаки являются основными при компонентном анализе терминов родства в разных языках). В отличие от других разрядов существительных, семантика пола чаще всего эксплицитно обозначена в термине родства, независимо от наличия или отсутствия категории рода. В то же время термины родства многих, а особенно разносистемных языков, проявляют в своей семантической организации существенные различия, отражающие фрагменты разных языковых картин мира.

Вследствие влияния экстралингвистических факторов, данная подсистема наименований является максимально симметричной по отношению к обозначению лиц мужского и женского пола, однако и в этой области проявляются своеобразные для каждого языка черты гендерной асимметрии.

Отличительной особенностью узбекского языка являются парные номинации *ота-боболар* «предки», *ота-она* «родители», *она-сингил* «сестры», *ака-ука* «братья», *она-ука* «брат и сестра».

Примечательной чертой организации терминов родства узбекского языка является нейтрализация семантического признака «пол» в ряде номинаций: *набира* «внук, внучка»; *абира, эвара* «правнук, правнучка»; *авара 1* «правнук, правнучка»; 2 «дальнее потомство»; *жиян* «племянник, племянница»; *божа* «свояк, свояченица». Это явление не носит всеобщего характера, а охватывает три позиции обозначения родства; 1) обозначение нисходящего родства второго

и третьего поколений; 2) обозначение непрямого родства; 3) обозначение некровного родства (в некоторых случаях).

С определенной долей условности к непроизводным можно отнести номинации лиц по национальности (часто это совпадает с местом жительства): *авар* «аварец», *албан* «албанец», *бошқир* «башкир», *булгор* «болгарин», *венгр*, *гагауз*, *герман*, *голланд* «голландец», *юнон* «древний грек», *япон* «японец» и др. Эти наименования в книжном употреблении (например, при паспортизации) ориентированы на лиц как мужского, так и женского пола. Однако в разговорной речи при наименовании женщины могут употребляться составные номинации типа *урус хотин* «русская», *немис хотин* «немка», *япон хотин* «японка», *юнон хотин* «древняя гречанка» и под. Подобные составные номинации ориентированы на частичную компенсацию «фемининной недостаточности» непроизводных существительных узбекского языка и построены по принципу привативной оппозиции, так как эксплицитно указывают на лицо женского пола.

С нашей точки зрения, асимметрия гендерных отношений непроизводных личных существительных в узбекском языке представляет собой вид семиотической асимметрии, поскольку ни в форме существительного, ни в его функционировании в тексте обозначение лица мужского пола не отражается.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Расулова М.И. Проявление гендера на лексическом уровне // Филологиянинг долзарб муаммолари. – Тошкент: НУУз, 2008. – С. 81–84.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. – М.: Русский язык, 1985.
3. Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент: Фан, 2007. – 125 с.
4. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 80000 дан ортиқ сўз ва сўз бирикмаси / Таҳрир хайъати: Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Махкамов. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедия, 2006–2008.